
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

М.В. ИЛЬИН*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ: УПУЩЕННЫЕ ШАНСЫ И НАЛИЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ¹

Аннотация. В статье повороты трактуются как великие, крупные, меньшие и совсем крохотные переключения на использование возможностей прагматической, структуралистской и интерпретативной научно-исследовательских программ (Лакатос), а также тяготеющих к ним теорий и концепций. Обсуждаются ранние прецеденты, включая политическую компаративистику Э. Фримана и Чикагскую школу Ч. Мерриاما. Затем рассматривается большой «лингвистический» поворот середины прошлого века, отмеченный новациями Л. Витгенштейна и Дж. Остина, исследованиями лингвистических и логических модальностей. Очередная волна отметилась подъемом изучения политических дискурсов и концептов, созданием типологий речевых актов и импликатур, развитием критической и структурной функциональной лингвистики и возникновением социальной семиотики. На этом фоне происходит деградация структуралистской традиции через постструктурализм к постмодернистским упражнениям сугубо индивидуального искусства чистой игры с произвольными формами. По-

* **Ильин Михаил Васильевич**, д-р полит. наук, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия); профессор-исследователь факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 22-18-00591) «Прагматическая семантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта

DOI: 10.31249/poln/2023.03.01

лучает дальнейшее развитие изучение когнитивных аспектов коммуникации и взаимодействия в политике, перформативов, нарративов, логономических систем и правил, мультимодального социального семиозиса, прагматики и прагмасемантики. Наконец, раскрывается результативность новаций, обсуждается, какие из них уже освоены, а какие нуждаются в дальнейшей разработке.

Ключевые слова: прагматика; речевые акты; модальности; дискурс-анализ; социальная семиотика; прагмасемантика.

Для цитирования: Ильин М.В. Лингвистические повороты: упущенные шансы и наличные возможности // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 11–37. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.01>

Последние десятилетия стало модным говорить о разного рода поворотах в науке вообще и в политической – в частности. Все началось с больших философских претензий Николая Гартманна и Мартина Хайдеггера на радикальное возвращение к основаниям [см.: Савчук, 2013]. Речь шла не о перемене подхода или направления исследований, а именно о полном развороте, не о *die Wende* (turn, поворот в каком-либо направлении), а о *die Kehre* (U-turn, полный разворот обратно). Затем поворотов становилось все больше и больше, а их радикализм все ослабевал и ослабевал, часто оборачиваясь «поворотами со скрипом» [Венедиктова, 2022]. Во всех случаях внимание фокусировалось на использовании политологами в своей профессиональной работе возможностей языка и речи, а также на достижениях лингвистики. Сейчас уже привычно говорят о большом лингвистическом повороте, начавшемся в середине прошлого века, и о множестве малых поворотов, дополнивших его: лингвистических, семиотических, нарративных, риторических и прочих новаций – от принципиальных подходов до конъюнктурных новшеств.

Дальнейшее построение обзора таково. Кратко рассматриваются ранние прецеденты. Затем обсуждается большой «лингвистический» поворот середины прошлого века, творческий импульс которому дали Людвиг Витгенштейн и Джон Остин, а имя – сборник под редакцией Ричарда Рорти.

Первая волна этого поворота повлекла целую серию разномасштабных и разнородных научных переориентаций прагматического характера. Они включали перформативную теорию речевых актов (*speech act theory*) и анализ обыденного языка (*ordinary language analysis*), исследования как лингвистических, так и логических модальностей, возможных миров, контрфактуальности.

С 70-х годов XX в. начинается новая волна. Она отмечена подъемом изучения политических дискурсов и концептов, созданием типологий речевых актов и импликатур, развитием критической и структурной функциональной лингвистики и возникновением социальной семиотики.

Последующее развитие дает все больше дробные и специфические результаты. Они связаны с изучением когнитивных аспектов коммуникации и взаимодействия в политике, перформативов, нарративов, логономических систем и правил, мультимодального социального семиозиса, прагматики и прагмасемантики.

Предпринимаемый обзор дает материал и ориентиры, чтобы оценить полученные результаты, понять, какие подходы уже дали творческие «выходы», какие обернулись всего лишь «отходами», а какие все еще не реализовали свой потенциал и нуждаются в развитии. Помочь в такой оценке, разобраться в соотношении великих, крупных, меньших и совсем крохотных поворотов помогают три альтернативных органа, прежде всего семиотика, а также три научно-исследовательские программы – прагматическая, структуралистская (синтаксическая) и интерпретативная (семантическая, герменевтическая).

Альтернативные органы и программы

Основой обзора служат концепции научных революций Томаса Куна, научно-исследовательских программ Имре Лакатоса и трансдисциплинарных органов-интеграторов Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований.

Повороты в этом случае удобно трактовать как изменения, которые не столько радикальны как научные революции, сколько способны внести существенные модификации за счет пересмотра не только больших теорий или концепций, но и не использовавшихся до этого внешних возможностей (*affordances*). Иными словами, повороты – это переключения на использование возможностей иных научно-исследовательских программ помимо привычных, а также тяготеющих к ним теорий, концепций и даже частных исследовательских начинаний. Впрочем, такие переключения зачастую сочетаются с изменением соотношения между тремя трансдисциплинарными органами-интеграторами: метретикой, морфетикой и

семиотикой. Степень фокусировки на общих подходах или частных начинаниях и радикализм совершаемых при этом изменений определяют масштаб поворотов от великих до мельчайших.

Повороты предполагают разную степень и характер смещения акцентов на методологические и предметные ориентиры исследований. Большой поворот связан с возникновением новой научно-исследовательской программы за счет переосмысления и интеграции наследия различных интеллектуальных традиций и научных начинаний. Он также может обернуться пересмотром оснований длительной традиции или традиций, а главное – переходом из одной научно-исследовательской программы в другую. Зачастую происходит своего рода возвращение к истокам, но уже иной традиции или программы.

Малый поворот предполагает переориентацию в рамках все той же традиции или ограниченное дополнение привычного подхода принципиально новыми методологическими или предметными новациями. Он, безусловно, не столь основателен, как большой поворот, но может быть связан со сменой научной парадигмы и появлением новых методологий, научных школ и исследовательских проектов.

Сравнительно-исторический поворот был слишком ранним и преждевременным. Фактически он так и остался преждевременным – возможно, в силу того, что сама политическая наука во второй половине позапрошлого века только формировалась как самостоятельная отрасль, хотя, как сфера мысли, знания и экспертизы, безусловно, существовала с древнейших времен. Связан этот несостоявшийся поворот с усилиями Эдварда Фримена (1823–1892), известного оксфордского историка, который еще на рубеже 60-х и 70-х годов позапрошлого века задумал амбициозный проект сравнительного изучения политики по образцу сравнительно-исторического изучения языков. В 1873 г. он издал книгу «Сравнительная политика» (*Comparative politics*), в которую вошли лекции, прочитанные в Королевском институте. Эта инициатива, увы, не получила серьезного развития. Очень медленно за два-три десятилетия начала складываться сравнительная политология, но усвоение достижений сравнительно-исторического языкознания оказалось слишком трудной задачей. Фактически инструментами сравнения стали заимствованные в философии, этике и юриспруденции нормативные схемы и категории.

Сходную инициативу чуть позднее предпринял М.М. Ковалевский, опубликовавший целую серию работ: «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880), «Современный обычай и древний закон» (1886), «Первобытное право» (1886). В первой из них Ковалевский прямо декларировал необходимость изучения институтов политики и права по образцу сравнительно-исторического языкознания и лингвистических реконструкций эволюции индоевропейских языков, однако практических результатов получить не сумел. Эта задача остается актуальной для нынешней политической науки и даже, скорее, для политической науки ближайших десятилетий. Когда соответствующая научно-исследовательская программа будет намечена хотя бы в общих чертах, она станет ценнейшим лингвистическим поворотом.

Ранний прагматический поворот предвосхитил Вильгельм фон Гумбольдт, писавший, что язык не сотворенное дело (Werk, Ergon), а деятельность (Thätigkeit, Energia) [Humboldt, 1836, S. 41]. Оба восходящих еще к Аристотелю термина произошли от глагола ἔρδω – «работаю, вершу», родственного нашему глаголу «вершить». Таким образом, энергея – это вершение, а эргон – свершенное. На русском данное различие естественнее передается словами «дélание» и «дело». В греческом есть почти точная эквивалентная пара πρᾶγματίζω и πρᾶγματ from глагола πρᾶττω – «я делаю, практикую». Собственно, само наше слово «практика» от практиκή («опыт делания») происходит от того же глагола πρᾶττω.

После этой подводки смысл выражения «прагматический» поворот становится яснее. Обычно его связывают с философской школой прагматизма. Отчасти это верно, однако сама школа получила название от того, что ее основатели Чарльз Пирс, Джон Дьюи и Уильям Джеймс нашли в греческих словах πρᾶγματ and практиκή наиболее точное выражение своему основополагающему принципу исходной фундаментальности человеческого действия, делания как источника смысла всего нашего существования. Пирс выразил это в виде знаменитой прагматической максимы: «Задумайтесь (consider), какие следствия (effects), могущие предположительно иметь практические значения (practical bearings), мы считаем присущими предмету нашего понимания (we conceive the object of our conception to have). Тогда ваше понимание (conception – дословно “схватывание”) этих следствий и

есть все целое (the whole) нашего понимания предмета» [Peirce, 1878, p. 293]¹.

Это длинное отступление понадобилось для подтверждения не просто актуальности, а фундаментальности и значимости прагматического поворота для политологов. Задумаемся вслед за Пирсом о предмете ваших занятий. Это целедостижение (Парсонс) или деятельность по самостоятельному руководству (Вебер). Именно в этом прагматическом разрезе политика только и приобретает смысл, а слова, лозунги и символы перестают быть чем-то внешним. Они становятся самим действием, деланием.

Семиозис и семиотика Чарльза Пирса создают основу для любой работы со всяким смыслом. Что мы ни делаем – танцуем, шутим с друзьями, разглядываем картинки, принимаем решения, голосуем, выходим на митинг – все это возникает с нашими действиями и только благодаря им, а не существует заранее уже где-то там. Совокупно всю эту замечательную практику (!!!) Пирс назвал на греческий лад семиозисом (σημείωσις), используя упоминавшееся Галеном название искусства ставить диагноз по внешним приметам.

Изучение семиозиса и работы со знаками Пирс назвал семиотикой (semiotics) в соответствии с привычной номенклатурой научных дисциплин, когда физику (physics) изучает физика, а математику (mathematics) – математика. Очень скоро произошла несчастливая редукция: научная дисциплина в лице последователей Пирса подменила предмет своего изучения – семиозис, или смыслообразование – усеченным со всех сторон и формализованным исследованием лишь внешних примет смыслов – знаков.

Впрочем, Пирс и сам отчасти подсказал такой путь упрощения. Большая часть его семиотических сочинений посвящена обсуждению различных типов знаков. Гэри Сэндерс насчитал их шестьдесят шесть [Sanders, 1970]. Каждая такая модель включает три

¹ Первоначальный набросок был написан Пирсом в 1877 г. по-французски и опубликован впоследствии в «Философском обозрении Франции и заграницы» (Revue philosophique de la France et de l'étranger) в следующей формулировке: «Рассматривать, каковы практические следствия, которые мы считаем предмет нашего размышления способным произвести. Представление обо всех этих следствиях и является целостным представлением об этом предмете» (Considérer quels sont les effets pratiques que nous pensons pouvoir être produits par l'objet de notre conception. La conception de tous ces effets est la conception complète de l'objet) [Peirce, 1879, p. 48].

опорные точки, или инстанции: служащая для обозначения инстанция (representamen, репрезентамен), подлежащая обозначению инстанция (объект), устанавливающая смысл инстанция (интерпретант). У Пирса каждая модель разворачивается в трехшаговом движении и превращается в семиозис. У его последователей – редуцируется в статичные треугольники. Деятельный семиозис исчезает. Остается умозрительная семиотика формальных схем.

Семиотика Чарльза Морриса дает нам простую и довольно эффективную адаптацию пирсовской семиотики. Утраты там минимальны, а возможности сохранены, хотя и для Морриса предметом семиотики стала, увы, семиотика. Моррис выделяет три типа знаков, так называемых носителей знаков (sign vehicles), фактически примет или меток своего рода. Это маркеры чего-то внешнего, условных «вещей». Они образуют семантику. К ним можно добавить маркеры для обозначения отношений между знаками. Они образуют синтактику. И уже поверх этих двух уровней или измерений семиотики надстраивается третий, где маркеры указывают на отношения между людьми и вообще инстанциями, использующими первые два типа знаков. Этот третий уровень Моррис именует прагматикой и, за счет использования его, если и не возвращается к семиозису, то фактически приближается к нему.

Семиотика Чарльза Морриса претендовала на то, чтобы стать своего рода универсальной наукой. Для этого и, конкретнее, для ее экспорта в другие науки были все основания. Однако было, видимо, слишком рано рассчитывать на это. Впрочем, его семиотическое построение было оригинальным образом переосмыслено и, можно сказать, переоткрыто в политике коллегами Морриса по Чикагскому университету.

Символический поворот. В своих работах Чарльз Мерриам, Гарольд Лассуэлл и другие участники чикагской школы политической науки много внимания уделяли символической стороне политики и работали в целом в русле прагматизма. Им удалось получить ценные результаты в трех близких областях, которые могли бы вылиться в лингвистические повороты – политическая трактовка моррисовской семиотики, прагматика коммуникации по поводу власти и коммуникативная интерпретация развертывания политических курсов (policies).

Уже в 30-е годы XX в. Чарльз Мерриам в своей известной книге о политической власти выделяет символы, или знаки власти,

которые он называет миранда (miranda), т.е. «то, что призвано восхищать», и хорренда (horrenda), «то, что заставляет ужасаться». На языке Чарльза Морриса – это семантические знаки. Мерриам выделяет затем широкие комплексы, включающие миранда и хорренда. Эти комплексы он называет креденда (credenda), или «то, во что надлежит верить». Их он оценивает следующим образом: «Креденда власти... содержит причины (reasons), которые заставляют интеллект санкционировать (to give assent) сохранение авторитета» [Merriam, 1934, p. 113]. В терминах Морриса – это уже целые семиотические высказывания или еще большие образования, которые включают и семантические знаки типа миранда и хорренда, и синтактические маркеры, и обобщающее прагматическое оформление, которое, собственно, и устанавливает отношения между участниками политического процесса. Однако в книге о власти Мерриам не раскрывает знакового устройства креденды, а обсуждает только ее обобщенный смысл и функциональность.

Это было сделано уже в следующем десятилетии Гарольдом Лассуэллом. Он прямо ссылается на Чарльза Морриса [Lasswell, 1949, p. 8–9]. Впрочем, Лассуэлл дополняет его построение тем, что он называет мифом (myth). Его он трактует как «фундаментальное исходное мнение» (fundamental assumption). Затем он выделяет в мифе «символы чувства и идентификации» и вслед за Мерриамом называет их миранда. К ним он добавляет политическую формулу, которая представляет собой «часть политического мифа, описывающую и предписывающую в деталях социальную структуру». Рационализированный таким образом изнутри миф превращается в креденда, которые в совокупности и целостности Лассуэлл предпочитает называть политической доктриной (doctrine) [Lasswell, 1949, p. 9–14].

Важная новация Лассуэлла заключалась в том, что он показал особую роль семиотической прагматики как начального момента семиозиса в виде мифа. Далее от него происходит переход к семантике, затем к синтактике и, наконец, венчается вся конструкция прагматическим завершением в виде доктрины. Ее Лассуэлл прямо связывает с кредендой Мерриам [Lasswell, 1949, p. 10]. А раз так, то доктрина как креденда совпадает с мифом – уже не предпосылкой, а результатом семиозиса. Тем самым предложена кольцевая, т.е. рекурсивная модель семиозиса. Это достижение не вполне освоено даже в современной семиотике.

Политическую значимость прагматических аспектов коммуникации Лассуэлл представил также еще между войнами и сделал ее семиотическую формулу названием «Политика: кто получает что, когда и как» (Politics: Who gets what, when, how) [Lasswell, 1936]. Общим местом стал интерпретирующий перевод этого названия в терминах коммуникации: «Кто (говорит), что (кому), по какому каналу, и с каким эффектом».

К сожалению, дальнейшего развития лингвистический поворот чикагцев не получил. Не получила семиотического развития и инициатива по формированию коммуникативного изучения политических курсов (policy studies) при всем ее потенциале [Dunn, 2019; 2022]. Обе инициативы весьма актуальны, они могут получить продолжение с учетом, разумеется, накопленного политической наукой за последние семь десятилетий опыта.

Ранний структуралистский поворот во многих отношениях был зеркальной противоположностью прагматического. Именно это обычно и подчеркивается. Однако в самом существенном они сходились. Это обычно ускользает от внимания. Общее в четком определении своих основополагающих принципов и в едином исходном моменте. Этот момент – семиотическая форма дела и дѣлания. Фердинанд де Соссюр, например, недвусмысленно утверждал в соответствии с трактовкой компиляторов его знаменитого Курса Альбера Сеше и Шарля Балли, что это языковые структуры и формы, а сам язык – это социальный факт (le langage est un fait social) [Saussure, 1971, p. 20; Соссюр, 1977]. Исходное латинское слово факт (factus) созвучно акт (āctus), а оба причастия происходят от близких по смыслу глаголов faciō – «я делаю» и agō – «я действую», которые передают разные моменты единого дѣлания: нечто сделанное и некое действие. Так что язык (langage)¹ фактически совпадает с практикой прагматистов. Де Соссюр подчеркивает, что практика эта социальная, не языковая.

Получается, что де Соссюр вполне готов принять прагматическую максиму: следствия (effects) использования языка в силу

¹ Обычно вопреки практике французского языка этот соссюровский термин на русский неудачно переводят как «языковая деятельность», чтобы отличить от термина *langue*, который передают русским словом «язык». Я систематически пользуюсь более удачным выбором, перевожу *le langage* как язык, а новообразование *la langue* передаю новообразованием же яз.

своей практической значимости (practical bearing) присущи языку и составляют все целое (the whole) нашего понимания (conception) языка. Возразить нечего. Это бесспорно так, но изучать это целое, этот необъятный и ускользающий предмет жизненной практики де Соссюр не может и не хочет как раз в силу его всеохватности и изменчивости. Так что приходится делать прямо противоположное – обращаться к тому конкретному и неизменному, которое поддается точному анализу и изучению. И для этого нового предмета изучения он находит и точное название – *яз* (*la langue*). Более того, весь смысл своей программы, программы в лакатосовском смысле, он афористично обобщает в заключительной фразе всего своего знаменитого Курса: «... единственным и истинным объектом лингвистики является *яз* (*langue*)¹, рассмотренный в самом себе и для себя» («... la linguistique a pour unique et véritable objet la langue envisagée en elle-même et pour elle-même») [Saussure, 1971, p. 374].

Честность, радикализм и отчетливость провозглашенной Фердинандом де Соссюром научно-исследовательской программы позволяет рассматривать его как создателя этой программы, хотя изучение чистых форм и структур началось со времен незапамятных. В разработке основ формального и структурного анализа крайне важна роль Московского лингвистического кружка и ОПОЯЗа (1915–1925); впрочем, сами основы подхода были заложены еще Московской (фортунаатовской) формальной школой (с 1870-х годов до середины XX в.). Продолжателями структуралистского направления стали Пражский лингвистический кружок (1926–1939), фактически созданный выходцами из московского, а главное, Копенгагенский лингвистический кружок (с 1931 г.).

Структурализм был воспринят политической наукой поздно, однобоко и поверхностно. Так что о структуралистском повороте говорить не приходится, хотя некоторые начинания давали для этого основания. Это, например, формальный морфологический анализ сюжетов В.Я. Проппа, а главное – новации Луиса Ельмслева, прежде всего различение плана содержания и плана выражения, а также выделение фигуры и дóмысли (*mening, purport*)².

¹ Курсивом выделено мое исправление. – М. И.

² В русском переводе «Прологоменов» с английского Ю.К. Лекомцев использует слово *материал*.

Планы выражения и содержания Луиса Ельмслева стали важнейшим усовершенствованием формального подхода и структуралистской научно-исследовательской программы. Одна из трудностей структурализма заключалась в том, что различение формы и субстанции, при всем своем интеллектуальном великолепии и аналитической значимости, осложнено тем, что фактически на практике они неразрывны. На эту практическую неразрывность сделала ставку зеркальная по отношению к структурализму программа прагматистов, трактуя практическую деятельность людей в том числе как процессы формализации субстанции и субстанциализации формы. Пирсовский семиозис как раз эту задачу решает. Структуралисты делают форму не просто автономной, а самоценной и самодостаточной. Завершающий тезис курса Соссюра, напомним, настаивает, что предмет структуралистских занятий – это *яз* (*langue*), рассмотренный в самом себе и для себя, т.е. без субстанции, а значит – содержания. Но как тогда изучать речь (*parole*) и язык в целом (*langage*)? А нужно учесть еще и целостные эпизоды общения, некие «малые» языки, включающие свои «малые» речь и *яз*, как показал Эрик Бюиссанс, назвавший этот предмет лингвистических исследований дискурсом (*discours*) [Бюиссанс, 2016].

Для решения этой проблемы Ельмслев выделяет в языке, речи и дискурсах большие комплексные предметы изучения с доминированием либо формальных, структурных характеристик, либо субстанциональных, содержательных. Их он называет уже не формой и субстанцией, а планом выражения (*expression plane*) и планом содержания (*content plane*). И при этом, дабы разрешить аналитические трудности, не отказывает в существовании или субстанции в каждом из планов, но напротив, даже настаивает в необходимости структурировать каждый из планов и работать с соответствующими структурами. Получается своего рода структуралистская экспансия, открывающая возможность структуралистского изучения как формального выражения языковых явлений, так и их смыслового содержания.

Фигура и *дóмысль* стали следующим ключевым достижением Луиса Ельмслева. Соотнесение планов содержания вполне ожидаемо показывает, что они подобны друг другу. Однако есть в них нечто, что не соответствует другому плану. Как лингвист Ельмслев прежде всего обратил внимание на то, что в плане выражения есть своего рода довески, названные им фигурами. У них есть

структурные характеристики, конфигурации, но этим структурам нет соответствий в плане содержания. Это касается, например, звуковой стороны дела. Не он первый это заметил. Еще де Соссюр утверждал, будто знаки, точнее их звучание, не имеют никого лингвистического смысла, точнее функциональности, а потому якобы произвольны (*arbitraire*). Оставляю в стороне проблему произвольности, мотивированности и конвенциональности знаков (по де Соссюру), или носителей знаков (*sign vehicles*) в более точных и изощренных трактовках. Это одна из ключевых проблем лингвистики. Важно другое: наши исследовательские задачи позволяют исключать (точнее – не замечать) несущественные для нас субстанции или формы.

Точно так же Ельмслеву как лингвисту пришлось исключить из предмета своего изучения и анализа то, что происходит в психике людей при общении, речи. Точнее, он отказался это изучать профессионально, но не мог совершенно игнорировать когнитивную и психологическую сторону мышления. Он признал, что все это существует и даже крайне важно, но для него – опять подчеркну: как для лингвиста – не структурировано. И это внеязыковое, и для него тем самым «бесформенное», мыслительное образование он назвал сначала в исходном датском тексте своих «Прологоменов» просто смыслом (*mening*). Получалось, что в языке есть структурированная мысль, а в психике неструктурированная, но слово используется одно. В английском переводе, авторизованном самим Ельмслевом, было найдено другое решение. Внешний по отношению к языку смысл был назван *purport*. Первым русским соответствием было бы «намерение». Да, верно, это как раз такой смысл, который стремится оформиться в языке. Но в сознании и в нейропроцессах он уже оформлен нелингвистически. Для психолога, а тем более нейробиолога важно как раз лингвистическое оформление исключить для адекватного, точного и профессионального изучения соответствующих явлений.

В этой статье я предпринимаю попытку перевести ельмслевские термины *mening* и *purport* русским новообразованием *до́мысль*, соединив два смысловых оттенка – во-первых домысел, догадку, а во-вторых, нечто предшествующее лингвистически оформленной мысли. Это позволит в самом тексте русского перевода «Прологоменов» различать языковой и внеязыковой смысл.

Теперь обратимся к большому лингвистическому повороту, оставив в стороне для другого случая важные для политологов ранние трактовки дискурса Э. Бюиссансом и Э. Бенвенистом, морфологию сюжетосложения В.Я. Проппа, научные находки Н.С. Трубецкого и Р.О. Jakobsona.

Большой «лингвистический» поворот

Большой лингвистический, а по сути, семиотический поворот готовился загодя. Все, о чем уже шла речь, было прямой или косвенной подготовкой. Велик личный вклад Бертрانا Рассела и его ученика Людвиг Витгенштейна. Важными ориентирами для большого лингвистического поворота стали формы жизни (Lebensformen, forms of life) и языковые игры (Sprachspiele, language-games) Витгенштейна. Формы жизни – это вся целостность совместной практической деятельности различных групп людей, а также используемые в ходе этой деятельности образцы, обычаи и привычные формы (отсюда и название), которые делают взаимодействие и понимание друг друга возможным. Данные формы являются опорными моментами языковых игр, которые включают «язык и действия, с которыми он переплетен» [Витгенштейн, 1994, с. 83]. И далее Витгенштейн уточняет, что «термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [с. 90]. Тем самым языковые игры придают смысл практической деятельности людей, а их речи – столь же практическую действенность. Тут очевидна перекличка с прагматиками и Пирсом, но одновременно предвосхищение манифеста большого лингвистического поворота – книги Джона Остина «Как творить дела словами» (How to do things with words) [Austin, 1962].

Выражение «лингвистический поворот» было пущено в оборот Густавом Бергманном. Он связал этот поворот с деятельностью Джорджа Мура, Бертрانا Рассела, Людвиг Витгенштейна и современного ему круга логических позитивистов, которые «принимают лингвистический поворот, начатый Витгенштейном в “Трактате”». Суть же поворота состоит в том, что «все считают язык инструментом», а логические позитивисты «используют его иначе». Они «философствуют посредством него... их характерный вклад –

это метод» [Bergmann, 1953, p. 453]. В своей книге 1964 г. Бергманн развивает эту мысль: «Все лингвистические философы говорят о мире, имея в виду язык; это и есть лингвистический поворот, фундаментальный первый шаг, метод, разделяемый философами идеального и повседневного языка» [Bergmann, 1964, p. 177].

Как мы видим, Бергманн и другие авторы сборника «Лингвистический поворот» под редакцией Ричарда Рорти¹ [Rorty, 1967] критически важным моментом считают новации Джона Остина.

«Как творить дела словами» (How to do things with words). В этой удачно названной книге Остин выступает прежде всего как посредник между лингвистикой и даже, скорее, сильно прагматизированной семиотикой и различными сферами практической деятельности людей, включая политику. Он не пытается присвоить достижения лингвистики. Да и к достижениям отношение у него сдержанное. Остин нередко показывает узость лингвистических схем и обновляет свой собственный аналитический аппарат – за счет восполнения замеченных пробелов.

Наиболее известные его новации связаны с выделением комплексных речевых актов (speech acts), которые включают не только и не столько языковые аспекты, сколько деятельностные, причем и обыденные, и специализированные, – например политические. Характерно, что именно прагматика обыденного общения и взаимодействия людей служит отправным моментом и даже дает свое имя сформировавшимся направлениям исследований – перформативной теории речевых актов (speech act theory) и анализу обыденного языка (ordinary language analysis).

Метафоричность названий не должна обманывать. Изучается не речь и язык лингвистов в какой бы то ни было традиции – сосюрровской, гумбольдтианской или какой-либо еще, а вся целостность поведения и жизни людей, проникнутая привычками и обычаями взаимодействия. И как раз это остается в целом неосвоенным и даже непонятым большей частью политологов или представителей других дисциплин. Они по-прежнему видят свой предмет изучения как некие институты, очерченные в терминах философских или юридических описаний, которые дополнены процессами, представленными

¹ Сам Рорти использовал выражение *лингвистический поворот* уже в своей более ранней публикации [Rorty, 1962].

ми в терминах исторических нарративов. Их они пытаются чисто внешним образом дополнить интерпретациями в терминах лингвистики. Если это и поворот, то исключительно поверхностный и внешний к чему-то иному, тогда как Остин предлагает совершить возвращение к себе с углублением и расширением понимания своего предмета как кооперативного взаимодействия. Такое углубление с расширением для каждого дисциплинарного специалиста неизбежно будет своим. Для политологов оно проникнуто фокусировкой, например, на целедостижении в терминах Парсонса (goal-attainment) или на самостоятельном руководстве (die selbständig leitende Tätigkeit) в терминах Вебера. Грубо говоря, при адекватной реакции политологи должны были бы совершить разворот остиновской перформативной теории речевых актов, анализа обыденного языка, категорий локутивных, иллюкутивных и перлокутивных сил к своей теории актов целедостижения и к анализу самостоятельного руководства.

Предлагаемое Остином возвращение к себе через перформативно-локутивное обновление – сам он обновлял в основном философию и этику – фактически вылилось в целых два пусть взаимно связанных, но вполне самостоятельных поворота – прагматического (перформативного) и герменевтического (интерпретационного). О них речь пойдет чуть дальше. Пока же отметим, что альтернативой Большому «лингвистическому» повороту стал другой не менее великий и столь же «лингвистический» поворот, а фактически целый поток разнородных усилий и результатов, известных под лейблами структурализм и постструктурализм. В данной статье он оставляется практически без серьезного внимания по двум основным причинам.

Первая заключается в том, что, хотя численно куда большее число новаций, выдумок и ухищрений, претендующих на статус достижений, пришлось как раз на структуралистский поток творчества, большая часть из них обернулась довольно ограниченными и поверхностными упражнениями на злобу дня и на требования моды. Пусть даже и яркие находки плохо проходили проверку временем. Пожалуй, заметным исключением стало лишь творчество Альгирдаса Греймаса, существенно обогатившего лингвистику, литературоведение и семиотику. Он разработал так называемый семиотический квадрат и несколько других эффективных инструментов типа транспозиции, актантной схемы и т.п. Впрочем, Греймас структуралистским правоверием не отличался и немало

сделал в области генеративной и трансформационной семиотики, а также семиотики действия (*sémiotique de l'action*), отчетливо устремленной в сторону прагматизма.

Вторая причина связана с тем, что структуралистская мода затронула в основном занятия антропологией, культурой, мифологией, литературой и искусством. К политике структуралисты обращались неохотно. А если и обращались, то наскоком и поверхностно. Пожалуй, редким исключением был Мишель Фуко, да и тот, подобно Греймасу, структуралистским правоверием не отличался.

В целом вполне отчетливо прослеживается эрозия и даже деградация структуралистской традиции через постструктурализм к постмодернистским упражнениям сугубо индивидуального искусства чистой игры с произвольными формами.

Вернемся, однако, к изучению речевых актов и обыденного языка в рамках двух самостоятельных поворотов – прагматического (перформативного) и герменевтического (интерпретационного).

Прагматический, или перформативный, поворот. Ключевой фигурой этого поворота является, бесспорно, Ричард Рорти. О его роли в этом повороте существует обширная литература, особенно о книге «Философия и зеркало природы» [Rorty, 1979]. Так что у читателя много возможностей познакомиться с сочинениями и Рорти, и его последователей и комментаторов, включая дружественных оппонентов типа Юргена Хабермаса [Habermas, 2000]. На этом фоне хотелось бы обратить внимание на крайне значимый вклад Кеннета Бёрка. Этот выдающийся литературовед фактически предвосхитил прагматический поворот в своих книгах по грамматике и риторике мотивов, а затем в полной мере развернул в «Языке как символическом действии» [Burke, 1966].

Одним из многочисленных достижений Бёрка было обнаружение феномена терминистических экранов (*terministic screens*) и разработка соответствующего понятия¹ сначала в статье [Burke, 1965], а

¹ Прежде всего обращает на себя внимание многозначность и даже двусмысленность этого комплексного понятия. Двусмысленно английское слово *screen*. Оно означает не только экран, то, где появляется нечто зримое, но и ширму, которая нечто зримое скрывает. Второе касается формы прилагательного – не *terminological*, т.е. касающееся терминов, но «касающийся ограничений (исходное значение на латыни) и связей (базовое юридическое значение, например, условия договора)». Иными словами, это своего рода экран-ширма, которая разделяет и связывает людей с помощью слов.

затем в книге [Burke, 1966]. Он начинает ее третью главу о терминистических экранах (на стр. 44–62) с обсуждения различий и сходств между сциентистическими (scientistic) и драматистическими (dramatistic) трактовками языка – примерно в том же духе, как в начале этой статьи различались формальные / структуральные схематизации языка и его деятельностные / прагматические истолкования. Соответственно, scientistic-трактовка языка Бёрком не столько научная, сциентистская, сколько формально схематизированная, сциентистическая, а драматистическая – не столько связана с театральным действием, сколько с жизненной, прагматичной деятельностью¹. Прямо в соответствии с лозунгом на фронтоне шекспировского «Глобуса» – весь мир лицедействует (*Totus mundus fiat histrionem*).

Бёрк отмечает, что «любая номенклатура обязательно направляет наше внимание в один канал, а не в другой» [Burke, 1966, p. 45]. Это ведет к тому, что «мы должны (must, выделение Бёрка. – М. И.) использовать терминистические экраны, поскольку мы ничего не можем сказать без использования терминов; какие бы термины мы ни использовали, они обязательно образуют соответствующий вид экрана; и любой такой экран обязательно направляет внимание на одну область (field), а не на другую, в рамках этой области могут существовать различные экраны, каждый со своими способами направления внимания и формирования диапазона наблюдений, предопределяемого (implicit) данной терминологией» [Burke, 1966, p. 50]. Терминистические экраны обращают людей к действию, основанному на интерпретации термина [Burke, 1966, p. 45]. С их помощью люди могут строить свои действия за счет обращения к терминам или отказа от них [Burke, 1966, p. 49].

Далее Бёрк развивает понятие экранирования (screening) – процессов и результатов действия экранов в череде развертывания, смещения и взаимоналожения (unfolding, moving, and intersecting). Бёрк выделяет два функционально различных типа терминов, т.е. соединителей и разделителей – «термины, которые связывают вещи воедино, и термины, которые разбирают вещи на части» (terms

¹ Собственно исходный греческий и индоевропейский этимон для драмы и игры **dreh₂-* означал «делать быстро, бежать». Соответственно это коренное значение ясно выражено в греческом *δραστήκος* – «действенный» и в английском *drastic* – «решительный, определяющий».

that put things together, and terms that take things apart). Одни «подчеркивают принцип непрерывности, некоторые – принцип прерывистости» [Burke, 1966, p. 49]. В результате мир становится миром композиции (composition) и разделения (division) [Burke, 1966, p. 50].

Герменевтический, или интерпретационный поворот произошёл параллельно с перформативным. Он нашел свое выражение в целой серии очень близких друг другу начинаний по изучению разного рода концептов. Среди них политологам наиболее известно изучение концептных натяжек, начало которому положил Джованни Сартори в его великолепной статье о деформации концептов в сравнительной политологии [Sartori, 1970]. Однако только к натяжкам дело не сводилось. Изучались процессы концептуализации в целом, включая и истории отдельных концептов или их кластеров. Весьма показательны сборник «Вавилонская башня. Об определении и анализе концептов и социальных науках» [Sartori, Riggs, Teune, 1975] и коллективная монография о социальных понятиях [Sartori, 1984]. Был создан комитет по концептному и терминологическому анализу (СОСТА), ядро которого составляли такие известные компаративисты, как Джованни Сартори, Фред Риггз и Генри Тьюне.

Более основательной была инициатива выдающегося историка Райнхарда Козеллека под названием история понятий (*Begriffsgeschichte*). Основным проектом этого научного направления стало 8-томное в 9 книгах издание «Исторические понятия. Исторический лексикон политико-социального языка в Германии» [Brunner, Conze, Koselleck, 1972–1997]. Название не должно обманывать. Хотя в центре именно немецкий язык так называемого *седловинного времени* (*Sattelzeit*)¹ рубежа XVIII и XIX вв., фактически анализ начинается с зарождения понятий и появления соответствующих слов, нередко уже в Античности, а продолжается после седловинного времени вплоть до времени написания статей. Более того, немецкий материал анализируется в сравнении другими европейскими традициями. Это монументальное издание включает 122 статьи примерно от 20 до 60 страниц убористого двухколонника.

¹ Это выделенная и осмысленная Козеллеком пора перехода от партикуляризованных понятий типа «хорошего общества», «ородского общества», «купеческого общества» к генерализованному понятию общества как обобщенной категории [на русском языке см.: Ильин, 1997, с. 32–33].

Оно важно не только как собрание замечательных трудов, но и как коллективный труд, установивший качественно крайне высокие стандарты описания и интерпретации понятий.

Не менее важным достижением стала деятельность так называемой кембриджской школы истории понятий, а фактически – целого созвездия начинаний и трудов самого разного свойства англоязычных исследователей разных профилей и местопребываний, объединенных научной повесткой, намеченной кембриджским профессором Квентином Скиннером – одним из четверки вполне автономных кембриджцев, включавшей Питера Ласслета и Джона Данна, а также Джона Покока, обосновавшегося в Балтиморе в Университете Джона Хопкинса. Общая для этих четырех исследователей повестка представляла собой дальнейший шаг в условно «остиновской» интерпретации исторической деятельности (дел) сквозь трансформацию и превращения отдельных понятий (слов). На ее основе как раз и сформировалась поистине мировая исследовательская сеть, получившая название кембриджской школы.

В России наиболее последовательное и плодотворное изучение истории политических понятий в духе кембриджской школы, или интерфейса понятий и практик [Волков, Хархордин, 2008] осуществляется О.В. Хархordiным [Kharkhordin, 2001; Colas D., Kharkhordin, 2009; Хархордин, 2011; 2020; 2023] и созданным им в Санкт-Петербурге исследовательским центром Res Publica. Кроме того, проблематику истории понятий осваивают и другие отечественные исследователи. Среди них – В.Л. Цымбурский, В.М. Сергеев, Е.Н. Рошин, В.Г. Ледяев, К.Ф. Завершинский и М.В. Ильин.

Последующая нюансировка малых поворотов

Не решусь давать обобщенных оценок и выделять четкие тренды развития, а только отмечу в режиме простого наблюдения, что начавшаяся на структуралистском фланге в 50-е годы, усугубившаяся в 60-е и возобладавшая в 70-е годы XX в. эрозия традиции и измельчание отдельных исследований с задержкой на два-три десятилетия стала распространяться на иные традиции вплоть до прагматической.

Другая особенность. Прежняя поляризация ярко и отчетливо противостоящих подходов снижается, а пространство между ними заполняется множеством дробных начинаний зачастую комплексного или даже эклектичного толка с размытыми и неясными принципами и ориентациями. Нередко эти новые начинания в чем-то пересекаются друг с другом, а в чем-то расходятся.

В связи с этим дальнейший обзор мельком и в самых общих чертах затронет некоторые наиболее интересные инициативы, которые вылились в некое подобие малых поворотов. Они по своей сути – высказывались ли претензии на роль поворотов или нет – оказывались фактически своего рода научными подходами, или направлениями.

Изучение дискурсов является ныне, пожалуй, самым массовым проявлением так называемых качественных политических и социальных исследований. Они заметно активизировались с начала 1970-х годов. Оно отнюдь не отличалось единым подходом, а было пестрым сочетанием самых разнородных исследований. Этот конгломерат объединял лишь предмет исследования. Неожиданно и парадоксально слово *дискурс* – т.е. *разбегание* от латинского *dis-cursus* – очень хорошо отражает характер и облик потока набравших популярность изысканий разного рода.

При всей своей пестроте исследовательская практика изучения дискурсов тяготеет к двум большим типам интеллектуальной работы. Это восходящий к формальным и структуралистским традициям анализ и связанная с прагматическими и герменевтическими традициям интерпретация политических процессов.

В строгом смысле рамка для структуралистского анализа дискурсов была предложена американским лингвистом Зеллигом Харрисом [Harris, 1952]. Ему же принадлежит и честь создателя термина *дискурс-анализ* (*discourse analysis*), но не дискурса, как ошибочно утверждают Википедия и некоторые американские авторы. Сам лингвистический термин *дискурс* (*discours*) был впервые предложен на целое десятилетие раньше, в начале 1940-х годов, выдающимся бельгийским лингвистом Эриком Бюиссансом [Бюиссанс, 2016]. Он обозначил этим словом отсутствующую в жесткой схеме Фердинанда де Соссюра связку и посредника между языком (*langue*) и речью (*parole*).

Как бы то ни было, дискурс по самому удачному и, главное, доходчивому определению Ю.С. Степанова – это «маленький

язык», т.е. сфокусированный на сфере практического использования сосюрковский *langage*. Тут Степанов развивает понимание дискурса своим учителем Эмилем Бенвенистом [Benveniste, 1970], который не только подхватил идеи Бюиссанса, но и дополнил их еще одним двойственным понятием – *высказывание (l'énoncé)* и *осуществление высказываний (l'énonciation)*. Читатель уже безусловно догадался, что тут прямая связь с речевыми актами Джона Остина, их собственно лингвистическая проработка.

При подобной трактовке дискурс становится удобно и логично понимать и как связку между язом (*langue*) и речью (*parole*), и как одновременно охватывающую их рамку, и как кодирующий высказывания двойник яза, и как «маленький» двойник речи, точнее эпизода общения. Соответственно, в работе с одновременно вполне конкретным по сфере деятельности, но подвижным и зыбким по функциональности (и связка, и рамка, и событие) предметом возникает проблема. Исследователи неизбежно переносят внимание либо на результат, речь, дискурс-продукт, либо на знаковую систему кодировки, либо на конвертацию знаковой системой в практику общения, а ее – обратно в знаковую систему. В результате приходится иметь дело с тремя ипостасями дискурса – продуктом, порождающей системой и конвертором одного в другое. По сути дела, за всем этим стоят усилия участников дискурса систематизировать свою практику или практически воплотить системы – в политике это убеждения, идеологии, институционализированные привычки. Таким образом, открывается возможность направленно изучать три теснейшим образом связанных, но разных феномена.

После этого введения понятно, почему изучение дискурсов не может не быть крайне разнородным и даже противоречивым занятием. Все большая дифференциация видна на следующем простом примере. Первый из справочников по дискурсному анализу [van Dijk, 1985], общее число которых достигло числа нескольких десятков, создавался уже в первой половине 1980-х годов Тёном ван Дейком. А уже через два десятилетия он же выступает редактором пятитомника, который назвался иначе и куда адекватнее – «Изучение дискурсов» (Discourse Studies) [van Dijk, 2007].

На этом фоне по меньшей мере наивными выглядят попытки большинства коллег-политологов без малейшей подготовки – хотя бы и самообразовательной – обращаться к пресловутому «методу дискурс-анализа». Разумеется, на деле есть множество разных и

очень отличающихся друг от друга методов и техник анализа и не меньше – интерпретации. На практике серьезным исследователям под каждый свой проект приходится складывать, а фактически *ad hoc* создавать весьма изощренные инструментальные наборы (*tool kits*) методов, методик, процедур и прочих исследовательских инструментов и возможностей (*affordances*).

В огромном и разнородном ландшафте изучения дискурсов происходит разжижение подходов и принципов, образование прихотливых рельефов со множеством рукавов со своими практиками. Однако при этом в сознании коллег-политологов продолжает довлеть своего рода мода на анализ (сравнительная аналитическая философия) и системную теорию, что и пытаются сделать козырем, но на практике это больше имитация и фасад. На деле редко кто из «дискурсологов» дотягивает даже до простейшей аналитики, а тем более до структурной лингвистики в духе Зеллига Харриса и его действительного дискурс-анализа. В основной массе публикаций, объявляющих себя дискурс-анализом, преобладают обычные интерпретации от относительно адекватных до весьма произвольных и никак методологически не оформленных.

Разнообразные компьютерные программы обработки текстов в лучшем случае могут служить лишь подспорьем для первичной и очень грубой обработки материала, да и они требуют, как правило, ручной и по большей части интуитивной кодировки, а значит, исследовательского искусства. Приходится признать, что в мировой науке при всем обилии справочников и публикаций собственно методологическими основаниями исследований по-прежнему служат пресловутые подходы, направления и традиции. Единственная разница в том, что доминирующий еще со времен первого справочника подход (*approach*) критического дискурс-анализа дополнился более дробными подходами – историческим, концептным, этнографическим и т.п.

Критический подход. Наиболее продуктивным обновлением исследовательского поля, заслуживающим хотя бы беглого упоминания, стал критический подход к коммуникативным и речевым практикам. Уже упоминавшийся критический анализ дискурсов стал заметной частью этого крайне широкого и разнородного потока. Под углом зрения лингвистического поворота ядро, или, скорее, стрежень потока в 1970–1980-е годы XX в. образовала компактное, но влиятельное и очень заметное направление критической

лингвистики. Наиболее заметными его представителями были Тревор Патнем, Роджер Фаулер, Гюнтер Кресс, Боб Ходж, Тони Трю и Поль Чилтон. Их внимание прежде всего привлекали проблемы политической манипуляции, роль речевых и коммуникационных практик, образования и других способов индоктринации, функции языковых и символических форм. В центре их внимания были орвеллианский язык и ньюспик, выявленный Майклом Халлидеем феномен антиязыка (*anti-language*) [Halliday, 1976], и предложенная Полем Чилтоном его концепция.

Эта компактная, но влиятельная группировка стала своего рода связкой с системной функциональной лингвистикой Майкла Халлидея. Этот выдающийся лингвист был идейно и научно близок к критическим лингвистам, был наставником многих из них, включая Гюнтера Кресса и Боба Ходжа. Общей теоретико-методологической рамкой был социально ориентированный системный функционализм. Важными достижениями Халлидея стала разработка метафункций языка, связавшая его со всей социальной жизнью людей, различение доминантных языков и альтернативных им антиязыков, а главное – предложенная им идея социальной семиотики (*social semiotic*) как основополагающего начала человеческого существования.

Социальная семиотика. Гюнтер Кресс и Боб Ходж подхватили халлидейевский принцип социальности общения и семиотики. На этой основе они разработали обобщенную концепцию социальной семиотики (*social semiotics*) как предмета научного изучения и комплексной дисциплины. Данное интегральное направление социальных исследований и предметно и методологически исходит из существования общих для всех человеческих практик правил, норм и установок, интегрирующих всю деятельность людей. Эти правила и установки образуют набор взаимосвязанных альтернативных систем, названных ими логономическими. Логономические системы не просты и однородны, а сложны и многосоставны, а главное, изменчивы. Они постоянно изменяются и эволюционируют. Логономические системы в высшей степени прагматичны в двух важных отношениях. Они связаны с практикой, однако также с диспозициями участников общения и взаимодействия.

В социальной семиотике противопоставление и конфликт языков и антиязыков дополняется взаимодействием различных альтернативных версий логономических систем. Это в том числе осуществля-

ется за счет дополнения лингвистических модальностей еще и модулями социального действия и поведения. Тут, разумеется, вновь оказывается критически важна семиотическая прагматика.

Важным направлением развития социальной семиотики стала разработка мультимодального анализа. Наконец, обновление на новом уровне семиотической прагматики и перформативного анализа дало начало прагмасемантике, которой посвящена целая рубрика этого номера журнала.

M.V. Ilyin*

Linguistic turns: chances lost and affordances regained¹

Abstract. The article interprets linguistic and other turns as great, large, smaller and very tiny switches to the use of the possibilities of pragmatic, structuralist and interpretive research programs (Lakatos), as well as theories and concepts gravitating to them. It notes early precedents are discussed, including the political comparative studies of E. Freeman and the Chicago School of Charles Merriam and Harold Lasswell. Then the paper considers the great «linguistic» turn of the middle of the last century, marked by the innovations of Ludwig Wittgenstein and John Austin. The next wave included the rise of the study of political discourses and concepts, the creation of typologies of speech acts and implicatures, the development of critical and structural functional linguistics and the emergence of social semiotics. Against this background, there is a degradation of the structuralist tradition through poststructuralism to current fashions of an art of pure play with arbitrary forms. The further advances embrace cognitive aspects of communication and interaction in politics, performatives, logonomic systems and rules, multimodal social semiosis, pragmatics and pragmasemantics. Finally, the article identifies effectiveness of innovations and discusses which of them have already been mastered, and which need further development.

Keywords: pragmatics; linguistic turn; speech acts; modalities; discourse analysis; social semiotics; logonomic system; pragmasemantics.

For citation: Ilyin M. Linguistic turns: chances lost and affordances regained. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 11–37. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.01>

* **Mikhail Ilyin**, INION RAN (Moscow, Russia); Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

¹ This research is supported by the Russian Science Foundation under grant No 22-18-00591

References

- Austin J.L. How to Do Things with Words. The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. Oxford: The Clarindon Press, 1962, 174 p.
- Benveniste É. L'appareil formel de l'énonciation. *Langages*. 1970, N 17, P. 12–18.
- Bergmann G. *Logic and reality*. Madison: Univ. of Wisconsin press, 1964, 355 p.
- Bergmann G. Logical positivism, language and the reconstruction of metaphysics. *Rivista critica di storia della filosofia*. 1953, Vol. 8, N 4, P. 453–481.
- Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.): *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. 8 Bände in 9. Klett-Cotta, Stuttgart 1972–1997
- Buissance E. Abstract and concrete in linguistic facts: speech – discourse – language. *Political Science (RU)*. 2016, N 3, P. 209–216 (In Russian)
- Burke K. *Language as symbolic action: Essays on life, literature, and method*. London: Univ of California Press, 1966, 514 p.
- Burke K. Terministic screens. *Proceedings of the American Catholic philosophical association*. 1965, Vol. 39, P. 87–102.
- Colas D., Kharkhordin O. (eds). *The materiality of res publica: How to do things with publics*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009, 288 p.
- Dunn W.N. Improving Russian and East European studies by building on pragmatism and the lost legacy of the policy sciences. *Russian studies, political science, and the philosophy of technology*. Lanham: Lexington books, 2022, P. 255–274.
- Dunn W.N. *Pragmatism and the origins of the policy sciences: rediscovering Lasswell and the Chicago school*. Cambridge: Cambridge university press, 2019, 82 p.
- Fowler R. *Language in the news: discourse and ideology in the press*. N.Y.; L.: Routledge, 1991, 254 p.
- Fowler R., Hodge, B., Kress, G., Trew, T. *Language and Control*. N.Y.; L.: Routledge & Kegan Paul, 1979, 224 p.
- Fowler R., Kress G. Critical linguistics In: *Language and control*. N.Y.; L.: Routledge, 2018, P. 185–213.
- Habermas J. Richard Rorty's Pragmatic Turn. In: Brandom R.B. (ed.). *Rorty and his critics*. Oxford: Blackwell Publishing, 2000, P. 31–55.
- Halliday M.A. K. Anti-languages. *American anthropologist*. 1976, Vol. 78, N 3, P. 570–584.
- Kharkhordin O. *Main concepts of Russian Politics*. M.: NLO Publishers. 2011, 321 p. (In Russ.)
- Kharkhordin O. *Republic or Res Publica*. Saint Petersburg: European university publishers. 2020, 162 p. (In Russian)
- Kharkhordin O.V. How to combine monarchy with democracy. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2023, Vol. 7, N 1, P. 62–127. (In Russian)
- Kharkhordin O. What is the state? The Russian concept of Gosudarstvo in the European context. *History and theory*. 2001, Vol. 40, N 2, P. 206–240.
- Kharkhordin O. Why res publica is not a state: The stoic grammar and discursive practices in Cicero's conception. *History of political thought*. 2010, Vol. 31, N 2, P. 221–246.

- Kharkhordin O.V. Basic concepts of Russian politics. Moscow: UFO Publishing House, 2011, 321 p. (In Russian)
- Kharkhordin O.V. *The Republic, or Res Publica*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2020, 162 p. (In Russian)
- Lasswell H.D. *Language of politics: Studies in quantitative semantics*. N.Y.: G.W. Stewart, 1949, 398 p.
- Lasswell H.D. *Politics: Who gets what, when, how*. New York: Whittlesey House, 1936, ix, 264 p.
- Merriam Ch.E. *Political power: its composition and Incidence*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1934, 331 p.
- Pateman T. *Accountability, Values, Schooling*. eds Tony Becher and Stuart Maclure. Windsor: National Foundation for Educational Research. 1978, P. 61–94.
- Pateman T. *Language, truth and politics*. Sidmouth: J. Stroud and T. Pateman, 1975, 112 p.
- Pateman T. 'Linguistics as a Branch of Critical Theory'. *UEA Papers in Linguistics*. 1981, N 14/15, P. 1–29.
- Peirce C. How to Make our Ideas Clear. *Popular Science Monthly*. 2016, N 12, P. 286–302.
- Peirce C.S. How to make our ideas clear. *Popular science monthly*. 1878, Vol. 12, P. 286–302.
- Peirce C.S. La logique de la science: deuxième partie: Comment rendre nos idées claires. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 1879, P. 39–57.
- Rorty R. (ed.). *The linguistic turn: Essays in philosophical method*. Chicago: University of Chicago Press, 1967, 393 p.
- Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979, 401 p.
- Rorty R. Realism, Categories, and the "Linguistic Turn". *International philosophical quarterly*. 1962, Vol. 2, N 2, P. 307–322.
- Sanders G. Peirce's sixty-six signs? *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1970, P. 3–16.
- Sartori G. (ed.). *Social science concepts: a systematic analysis*. Beverly Hills, Calif.: Sage publications, 1984, 455 p.
- Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American political science review*. 1970, Vol. 64, N 4, P. 1033–1053.
- Sartori G., Riggs F.W., Teune H. (eds). *Tower of Babel: on the definition and analysis of concepts in the social sciences*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh press, 1975, 107 p.
- Saussure F. *Cours de linguistique générale (publication originale 1916)*. Paris: Payot. 1971, 408 p.
- Savchuk V.V. The phenomenon of turn in the culture of the XX century. *International Journal of Cultural Studies*. 2013, N 1 (10), P. 93–108. (In Russian)
- van Dijk T.A. *Discourse Studies*. New Delhi: Sage, 2007, 2128 p.
- van Dijk T.A. *Handbook of Discourse Analysis*. 4 vols. London: Academic Press, 1985. Vol 1: Disciplines of Discourse, 302 p.; Vol. 2: Dimensions of Discourse, 279 p.; Vol. 3: Discourse and Dialogue, 251 p.; Vol. 4: Discourse Analysis and Society, 228 p.
- Venediktova T.D. Pragmatic turn - with a creak. *New Literary Review*. 2022, N 6, P. 189–200.

- Volkov V.V., Kharkhordin O.V. *Theory of practices*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2008, 298 p. (In Russian)
- von Humboldt W. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. B.: Druckerei der königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836, 511 s.
- Wittgenstein L. *Philosophical works, part 1*. Moscow: Gnosis, 1994. 612 p. (In Russ.)
- Zellig H. Discourse analysis. *Language*. 1952, Vol. 28, N 1, P. 1–30.

Литература на русском языке

- Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь – дискурс – язык // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 209–216.
- Венедиктова Т.Д. Прагматический поворот — со скрипом // Новое литературное обозрение. – 2022. – № 6. – С. 189–200.
- Витгенштейн Л. Философские работы: Ч. 1. – М.: Гнозис. – 1994. – 612 с.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
- Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1 (10). – С. 93–108.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Хархордин О.В. Республика, или Дело публики. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 162 с.
- Хархордин О.В. Основные понятия российской политики. – М.: Издательство НЛО, 2011. – 321 с.
- Хархордин О.В. Как соединить монархию с демократией // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 7. – №. 1. – С. 62–127.